

Исповедались

Еще в декабре Бежар рассказал о своей «двойной» премьере: в своей новой труппе «Компания М» он поставил спектакль «Мать Тереза и дети мира». В Москве его показали только один раз

Лейла Гучмазова

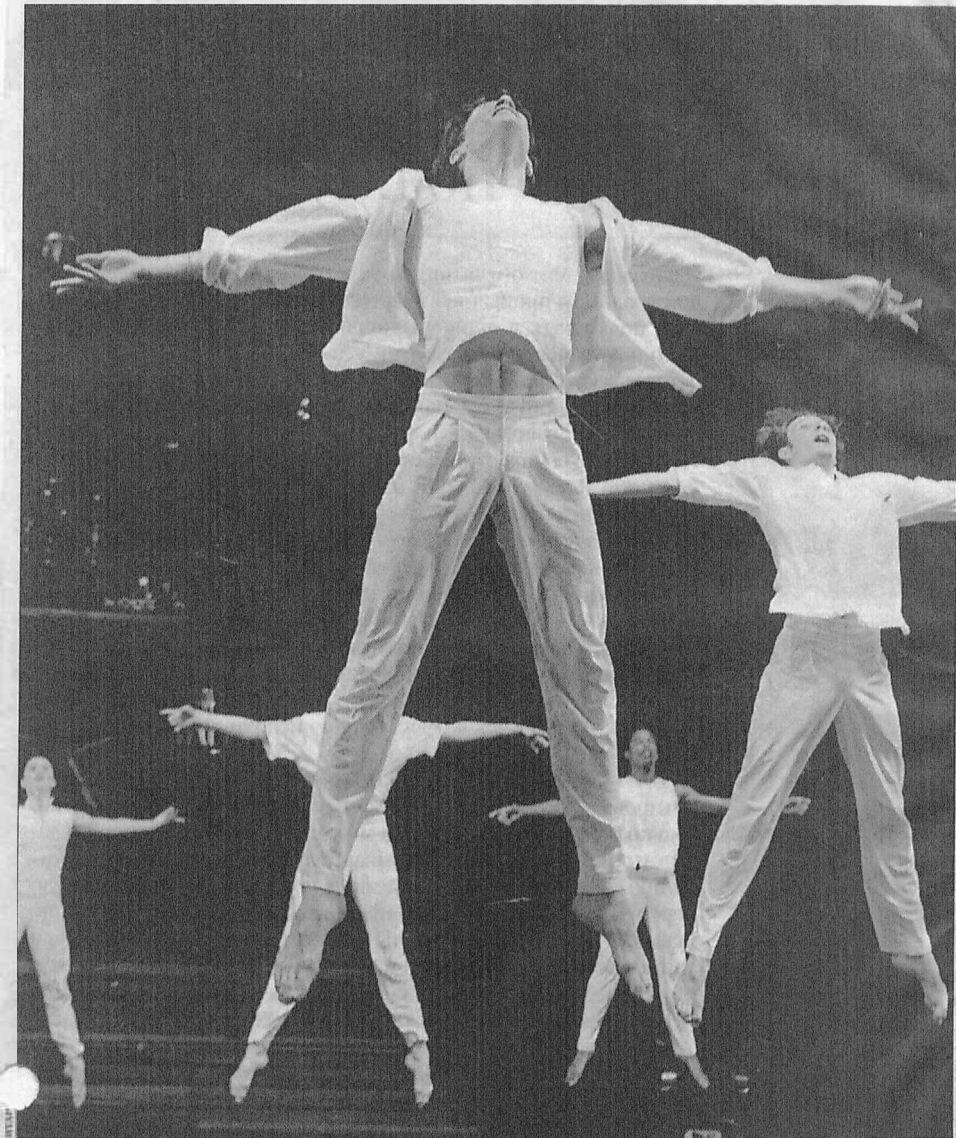
Пятнадцать дико жизнерадостных юнцов под заунывные индийские напевы вываливаются на сцену фирменными безжаровскими па — ломаными аттитюдами, прыжками больше 180 градусов. Савансены они выкрикивают: «Я — мусульманин-француз. Мне нравится...», «А я — пемка-протестантка. Предпочитаю...». Это становится похоже на рекламу сока, когда «я — румяное яблочко, а я — спелая слива», потому что в обоих случаях детская непосредственность действует безотказно. Дети разных народов не отличаются друг от друга лексикой танца, у всех — места ми импровизация зверя-птицы, и когда очистивший дух в позе лотоса Мать Тереза берет их жизни, сцена делается похожей на лесную школу из мультфильма. «Раз, два, три» — на картонный русский Матери Терезы зал отзывается бурными продолжительными; дети вторят ей телом и голосом. За балетным всеобучем идет урок милосердия. «От туберкулеза и лепрозы лечит любовь», — декламирует Мать Тереза. Зрители шепотом делают познаниями во французском; юные актеры столь же профессионально, сколь и наивно, танцуют общую всех ко всем призыв.

Новая труппа — чистейший плод идеи Бежара. Когда западный мир прошлого века еще не научился медитировать под гитар, мэтр обучал сеи премудрос-

ти своих классических танцовщиков и использовал в балетах позы йоги. Чем легче он формулировал идею тотального танца, тем очевиднее нуждался в универсальных артистах; и разрешил нужду созданием собственной школы. Там преподают балет (гений педагогика Азарий Плисецкий), мимику тайской драмы, классический итальянский вокал, африканский боевой танец с шестом и много еще чего. Выпускники или парасхват, и Бежар неправильно одобрял мировые сцены, пока не случился особо одаренный выпуск. Ополонившему восьмой десяток мэтру стало вдруг жалко «просто так» отпускать его в мир — тем более что он как homo humanis узрел очередной кризис отпущений богатого и бедного миров.

Роль Матери Терезы он отдал звезде Штутгарт-балета Марсии Хайде, бывшей некогда лучшей нерусской Татьяной Лариной в балете.

Знаменитость не танцевала, но смиренно ползала на коленях, подтирая тряпкой пол, раскладывала по аллюминиевым мискам еду и страдала за беспуное человечество цитатами из безжаровского репертуара Плисецкой, просящая их речами о толерантности. Чем обостряла повзрослев в зале настроение встречи с бывшей любовью через много-много лет: что казалось оригинальным и смелым, выглядит бесконечно ветхим, хотя и мыслям. Шершавый стиль нового безжаровского плаката спасают только яркие, молодые краски. И хотя он танцем не спас мир от раздоров, универсального «всемирного танцовщика» все-таки слепил.

«Универсальных» артистов Бежар создал себе сам